

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН. *Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М., 1980*

Новая книга Г. М. Бонгард-Левина, хорошо известного своими многочисленными публикациями по древней Индии, обращена к широкому кругу читателей, интересующихся древнеиндийской культурой. Она включает 12 очерков, посвященных самым различным аспектам цивилизации древней Индии. Некоторые из этих очерков уже были опубликованы в книге «Мудрецы и философы древней Индии» (М., 1975), другие специально написаны для данного издания. Как и в других работах ученого, в рецензируемой книге проявляется его большая эрудиция, критический подход к исследованию источников и стремление учесть новые индологические публикации. Автор не избегает остро дискуссионных вопросов, а старается дать свою интерпретацию, демонстрируя прекрасное знакомство с проблематикой современной индологии. Некоторые из разделов посвящены темам, мало освещенным в нашей литературе (например, о традиции пуран и о джайнизме), и это делает эту книгу существенным вкладом в советскую научную литературу о древней Индии. Одни главы основаны на собственных научных изысканиях автора, в других излагаются идеи, защищаемые автором в специальных публикациях. В этом смысле особый интерес представляет первая глава, посвященная истокам древнеиндийской цивилизации и взаимоотношениям между ариями и аборигенным населением Индии. Привлекая обширный археологический и лингвистический материал, Г. М. Бонгард-Левин пытается определить степень воздействия местных этнокультурных субстратов на индоарийских переселенцев. Он приходит к выводу о значительном влиянии на индоариев не только дравидов (харашская цивилизация), но и племен мунда, сопоставляемых с «археологической» «культурой медных кладов и желтой керамики».

Весьма интересен приводимый археологический материал из раскопок последних лет, впервые демонстрирующий возможность непосредственных контактов носителей «культуры серой расписной керамики» (предположительно — ариев) с носителями культуры Хараппы. Анализ лексики дравидийского и мундского происхождения в памятниках санскритской литературы приводит Г. М. Бонгард-Левина к выводу о том, что наиболее интенсивные контакты между индоариями и аборигенами Индии относятся ко второй половине I тыс. до н. э., периоду формирования древнеиндийской цивилизации. Автор, впрочем, справедливо подчеркивает, что в известной мере слабое влияние неарийских языков в более ранней ведийской литературе должно объясняться спецификой самих доступных исследованию источников. По мнению ученого, известный синтез местных и индоарийских культурных традиций происходит ко второй половине I тыс. до н. э., так что «вклад неарийских племен уже фактически не осознавался» (с. 28). Проблемы, общее направление и выводы этой части работы представляют большой научный интерес, хотя ряд конкретных сопоставлений и аргументов могут вызвать возражение (например, обозначение буддийских аскетов словом «мун-

дита», т. е. «бритый, лысый», по-видимому, не имеет прямого отношения к этнониму «мунда»). Наибольшие сложности возникают, конечно, при переходе от чисто лингвистического анализа (происхождение отдельных слов) к анализу историко-культурному (происхождение верований, представлений, институтов). Очевидно, ведийские самхиты не вполне адекватно и исчерпывающе отражают религиозные представления и социальные институты индоариев. Вполне возможным представляется то, что многие элементы позднейшего индуизма, объясняемые обычно воздействием местных субстратов, действительно были лишь проявлением или развитием того, что присутствовало уже в культуре индоариев. Автор склонен, в частности, считать, что «усиление роли брахманов в поздневедийский период» отражает «огромное влияние жрецов — исполнителей обрядов и неарийского населения», а ритуал пуджи под влиянием дравидов «оттеснил собственно арийскую практику жертвоприношения-яджну» (с. 26). Поскольку существовала известная обособленность между индоариями и аборигенами, особенно в религиозной области, и местные «жрецы — исполнители обрядов» не приобретали высокого статуса у индоариев, трудно с уверенностью установить, каким образом они могли повлиять на повышение роли брахманства у самих индоариев. Точка зрения о неарийском происхождении «пуджи» распространена в научной литературе, однако Я. Гонда пишет о возможных индоарийских ее основах¹. Влиянием местных доарийских верований объясняет Г. М. Бонгард-Левин и создание крупных алтарей и храмовых комплексов в послеведийскую эпоху (с. 216). Несмотря на распространенность, эта точка зрения, на наш взгляд, еще нуждается в дополнительной аргументации.

Разделы о ведах и упанишадах и затем об «эпохе шраманских доктрин» представляют значительный интерес, особенно плодотворным является рассмотрение в комплексе так называемых «неортодоксальных», или шраманских, доктрин. Такой подход позволяет наметить целый ряд параллелей как между отдельными шраманскими учениями (ранний буддизм, джайнизм, адживикизм), так и с «ортодоксальными» доктринами, связи между буддизмом и упанишадами или философией санкхья и т. д. Автор формулирует задачу восстановить «общий духовный климат эпохи, определивший круг проблем и понятий, которыми пользовались самые различные течения» (с. 101). Ранний буддизм справедливо рассматривается как закономерное следствие единого процесса эволюции общеиндийской духовной культуры. Одновременно предпринята попытка выяснить социальные и политические причины возникновения шраманских течений и, в частности, буддизма. Этот раздел книги, построенный на анализе большого круга источников и научной литературы, вносит много нового в трактовку весьма сложных проблем историко-культурного развития древней Индии.

Автор делает важный вывод о влиянии структуры древнеиндийских республик на внутреннее устройство буддийской общины-сангхи (впрочем, нам кажется, что речь может идти, скорее, об общих для Индии принципах общинной структуры, равным образом проявляющихся в организации кшатрийских республик, деревенской общины, касты или монашеской сангхи).

Исследовательские интересы автора ясно проявляются и в главах, посвященных материалистическому направлению в древнеиндийской философии (локаяте). Г. М. Бонгард-Левин полемизирует с теми учеными, которые считают материалистическое течение в древнеиндийской философии случайным и малозначимым явлением и определяют индийскую философию и — шире — древнеиндийскую культуру как исключительно спиритуалистическую (с. 157). Как принято в марксистской историографии (Д. Чаттопадхьяя, В. Рубен, Н. П. Аникеев), он стремится выявить материалистические элементы в классических философских доктринах Индии и доказать значительность вклада философов-материалистов в культурное наследие Индии, в частности, показать их роль в истории индийской науки. Сами истоки философии Г. М. Бонгард-Левин находит в религиозном скептицизме, неверии в богов, все более распространяющемся уже в ведийскую эпоху (с. 40). Впрочем, наличие атеистической тенденции в Ригведе вслед

¹ Gonda J. Change and Continuity in Indian Religion. P., 1965.

за Д. Чаттопадхья отрицается. К сожалению, в книге не ставится вопрос о характере «религиозного скептицизма», отраженного в ведийских текстах². Характерное для ведийской литературы проецирование процессов, происходящих в человеческом организме, на внешний мир автор определяет как «развитие рационалистической и материалистической линии» (с. 50), полемизируя с теми учеными, которые находили в нем стремление к субъективно-идеалистическому истолкованию явлений. Однако, с нашей точки зрения, сама применимость терминов, обозначающих философские направления (субъективный идеализм, рационализм, материализм), к древним ритуальным и мифологическим текстам весьма спорна. В книге довольно подробно рассматриваются классические религии древней Индии, особые главы посвящены буддизму махаяны, а также вишнуизму и шиваизму. Эти разделы, несомненно, будут полезны всем, кто интересуется духовным наследием древней Индии.

Источники, на которые ссылается автор книги, многочисленны и разнообразны. Помимо произведений индийской литературы и археологических данных в некоторых главах широко используются сведения античных писателей о древней Индии и об античном мире (при этом в ряде случаев особо подчеркивается приоритет древнеиндийской цивилизации, например, в области естественных наук, развитию которых в Индии посвящена специальная глава).

Принципиальное значение имеет последняя глава «Декал и Южная Индия в древности». Так же как в начале книги, была сделана попытка определить роль неиндоарийских элементов в культуре древней Индии, в данной главе высоко оценивается вклад в древнеиндийскую цивилизацию дравидийского юга и выражается сожаление по поводу известной недооценки этого вклада в современной индологии.

Рецензируемая книга — обобщающая работа по философии, религии и науке древней Индии, которая подводит итоги многолетним исследованиям автора и намечает пути дальнейших изысканий. Особую значимость приобретает тот факт, что Г. М. Бонгард-Левин подходит к проблемам духовной культуры с историко-культурных позиций, увязывая их с социальными сдвигами в развитии древнеиндийского общества. Книга Г. М. Бонгард-Левина, как и прежние его работы научного и научно-популярного характера, уже привлекла внимание читателей и, несомненно, будет способствовать распространению знаний о древней Индии и развитию интереса к ее древнему культурному наследию.

А. А. Вигасин

¹² Ср. Heesterman J. C. On the origin of the nāstika.— WZKSOA, 1968—1969, В. 12—13.